

ЧТО РИСУЮТ НАМ «КАРТИНЫ МИРА»?

В статье рассматриваются воображаемые ментальные миры в соответствии с гипотезой Уорфа о том, что они обусловливаются языком как формой.

Картины, разумеется, ничего не рисуют сами (разве что в метонимическом смысле) — на них что-то кем-то нарисовано. Но здесь речь идет о выражении — о тех смыслах, которые стремятся выразить словосочетанием «картина мира». Выражение это ныне широко распространилось, и, очевидно, оно полезно и удобно для многих целей и по разным причинам. В лингвистике оно тоже в ходу, но со спецификацией — «языковая картина мира».

Популярность этого обозначения и потребность в нем обусловлены радикальным сдвигом в научной парадигме — осознанием принципиальной значимости субъективно-эпистемического фактора в познавательных и деятельностных отношениях человека с миром, обществом и самим собой. Сознание как идеальное устройство с креативной способностью

не сводится к пассивному отражению действительного мира, но способно к рождению в разной мере автономных от него ментальных миров, которые в свою очередь объективируются в деятельности людей, в их поведении, речи, в создаваемых ими материальных и духовных артефактах.

Обозначение полезно, за ним стоит тенденция, новая научная парадигма, но до термина оно пока не доросло и остается расхожей метафорой: смысл ее размыт и варьируется у разных авторов и у одного и того же автора в разных контекстах в широком диапазоне и с нечеткими границами. Поэтому всякому, кто с энтузиазмом принимает его, следует каждый раз осмотрительно спрашивать себя и пояснять читателю: что собственно и в каком смысле принимается. Это и составляет нашу задачу: показать диапазон

семантической вариативности «картины мира», указать смысловые аналоги выражения в разных контекстах, меру информативной предпочтительности одних перед другими и, наконец, установить, сводимы ли смысловые варианты выражения «картина мира» к какому-то единому родовому понятию.

За примерами контекстов надо обратиться к работам, которые, не будучи метатеорией понятия «картина мира», оперируют им в его проявлениях, связях, зависимостях и исторической динамике.

Но начать надо с уяснения референционной семантики всего словосочетания и составляющих его слов. Какой мир имеют в виду, когда говорят о «картинах мира»? Оказывается, этих миров, по меньшей мере, несколько, и они разные. Следовательно, необходимо изначально отдавать себе отчет, о каком мире ведется речь в каждом конкретном случае, в чем состоят различия миров и как они соотносятся друг с другом.

Во-первых, высказывания и тексты могут относиться к действительному непреложному миру, и высказывающий связывает себя условием существования (несуществования) денотатов (вещей, признаков и их связок — событий и ситуаций). Он принимает — хотя бы в принципе — обязательство верификации истинности своих утверждений о мире. Тем самым в рамках рационально-логического мышления построение ментальных миров должно согласовываться с ««внешним», отражаемым миром действительности посредством механизмов референции.

Но возможен иной, противоположный первому «мир» чисто ментальных построений, когда сознание не заботится о корреляции идеальных сущностей с действительным миром, когда оно творит внутри себя, создавая и связывая идеальные концепты и насяляя ими идеальные же «миры». Сравнительно с первым слушаем слово «мир» уже не прямозначно, а является метафорой. Тут мы имеем дело с мнимыми мирами. Какие-то из них возможны, но не осуществились, другие же иррациональны.

Наконец, поскольку человеческое знание относительно и ничто не открыто человеку в полном прямом и окончательном знании, а также по причине того, что многое из неосуществленного все же хотят бы теоретически возможно, человек сплошь и рядом творит в своем сознании смешанные миры, где действительное и мнимое в разной пропорции соединено и взаимодействует с мнимым возможным и даже невозможным.

Первая и принципиальная граница лежит между миром действительным и идеальным (духовным, ментальным). При этом действительный мир первичен в том смысле, что все начинается с него и его коррелята в сознании — *базисного ментального мира*. Они вкупе образуют точку отсчета для всех идеальных миров. В конечном счете *отражаемый/отраженный* реальный мир образует точку отсчета для всех идеальных миров, они полностью или частично принимают его во внимание, прямо или косвенно считаются с его устройством, и различаются они относительно него.

Но следует признать, что мера зависимости (мера *проективности*, обусловленности) идеальных миров от действительного варьируется от референциального следования последнему до полной автономии в существенных частях. Сознание проходит путь от прямого отражения действительного мира, как он есть, переходит к прогнозированию, домышлению и планированию, к созданию смешанных идеальных миров, сочетающихся в сознании реальное с мнимым, далее — к созданию мнимых возможных миров и заканчивает свой путь сотворением чисто фантазийных и игровых ментальных построений^{1,2}.

В мыслительной деятельности людей различаются три магистральных потока, и различие их жизненно необходимо в общей перспективе человеческой деятельности, т. е. при всех возможных сомнениях, заблуждениях и намеренном обмане человеку важно знать и осознавать, к какому из этих стержневых видов или их комбинаторных форм относятся

те или иные продукты мыслительной деятельности.

Различаются эти три магистральных потока мыследеятельности по их отношению к реальному непреложному миру, а именно — по их соответствуанию положению дел в реальном мире и в конечном счете — по истинности и верифицируемости утверждений о нем и, следовательно, по реальной информационной ценности. По этому критерию противопоставлены мышление рационально-логическое, фидейное и фантазийно-игровое³.

Рационально-логическое мышление, от самых его практически-конкретных форм до форм абстрактно-отвлеченных, связывает себя обязательством соответствия действительному миру и не уклоняется от требований истинности и верифицируемости своих утверждений о нем. Фидейное мышление основано на вере. Оно также стремится к подлинному знанию, но на пути к нему вверяет себя авторитетам и, выигрывая в широте, полноте, глубине знания и экономии эвристических усилий, оно попадает в зависимость от надежности своих авторитетов. Наконец, фантазийно-игровое мышление изначально не связывает себя соответствием действительному непреложному миру и строит свои ментальные миры, исходя из комплекса весьма разнообразных побуждений человеческой природы, далеких от познавательных задач и онтологической строгости, — игровых, эстетических, экспрессивных, эмотивно-прагматических и иных подобных.

Мыслительные, в том числе речемыслительные, произведения представляют собой либо относительно чистый продукт одного из указанных направлений мыследеятельности, либо разнообразные их комбинации — с разной мерой соответствия действительному миру и с разной степенью осознания людьми меры этого соответствия. И всякий раз, понимая себя или других, человек должен и стремится знать, в каком из трех указанных потоков мыследеятельности, своей

или чужой, он находится в данный момент, даже если ему и не удается сделать это с необходимой определенностью.

Из сказанного следует тот вывод, что в рассуждениях о картинах мира необходимо начинать с уяснения, идет ли речь о картинах, сообразующихся с действительным миром как его отражения или замыслы, или же речь идет о полетах фантазии и ментальных играх, свободных, насколько это возможно, от оков непреложного мира. В первом случае актуально будет задаться вопросом о степени и причинах соответствия/несоответствия ментальных конструктов устройству действительного мира на тех или иных его участках. Во втором случае эта проблема не релевантна, и на первый план выходит задача отыскать систему и мотивации того или иного вида фантазийно-игровой ментальной деятельности и затем установить возможные его проективные свойства относительно действительного мира.

До сих пор мы имели дело с прямым значением слова «мир» и говорили лишь о референционном варьировании слова в этом значении — то ли это действительный мир вне сознания, то ли ментальный мир в сознании.

Для полноты картины надо указать и на производные значения в узусе слова. Как результат синекдохального варьирования слово часто означает не мир в целом, а какие-то относительно целостные его фрагменты, например: «мир Кристины» (название живописного полотна).

Широко представлено также другое значение с отвлечением или приглушением идеи целого или части целого как множества элементов, спаянных внутренними линейными связями (пространственно-временными, причинно-следственными и иными связями совместной встречаемости) в единую структуру. В этом случае «мир» означает уже не некоторое онтологическое единство — структуру, а чисто мыслительное единство вещей одного класса с общими классообразующими признаками независимо от линейных (структурообразующих) связей

между ними. При этом, однако, подчеркивается мысль о достаточно полном охвате класса на уровне типичных его представителей, т. е. широкой представленности наличных в нем подклассов (видов и разновидностей), ср. «мир книги, игрушек, цветов» и т. п. (эпистемические классы).

Возможно также и такое употребление слова, которое соединяет обе линии семантического варьирования — цельность онтологической структуры и однородность эпистемического множества, например: «мир животных, мир танца» и т. п.

Заметим, что в обоих этих случаях, в отличие от интересующего нас словосочетания «картина мира», «мир» переместился в позицию главного слова.

Займемся теперь первым словом в нашем словосочетании, имея в виду, что наш интерес обращен не столько к словам, сколько к стоящим за ними понятиям. «Картина» в «картине мира» — очевидная метафора, и ближайший аналог среди прямозначных выражений этой идеи — «образ». Семантические возможности этого слова весьма велики и могли бы успешно удовлетворить номинативную потребность в нашем случае, если бы узус можно было склонить к расширению его смысла в сторону большей абстрактности. При этом не было бы нужды в метафоризации его прямого значения, так как оно уже лежит в области идеальных сущностей. Однако предпочтение явно отдается «картине» и, как это ни парадоксально, именно в силу наглядной конкретности первичного значения. «Картина» не может быть принята в прямом смысле, требуется переключение в область идеальных сущностей, и метафора реализует главное свое достоинство: включается механизм самостоятельного аналогического домысливания сложного отвлеченного концепта на базе простого конкретного.

Другими прямозначными претендентами на выражение той же идеи выступают «модель (мира), представление (о мире), понятие (о мире)» — каждый со своим смысловым оттенком.

Широкая употребительность этой группы концептов в современной науке, их безусловная полезность и необходимость объясняются, как отмечалось, тем, что ныне за развитым сознанием признано качество высокой креативности при большой мере проективной автономии от действительного мира. В своем движении сознание далеко уходит от пассивного отражения реального мира, в значительной мере автономизируется от него и развивает способность творить собственные ментальные миры, в разной степени соглашающиеся с устройством объективной реальности — от гипотетически возможных до проективно фантазийных.

Однако исследование всего разнообразия ментальных миров и выражающих их текстов требует большей точности в исходных представлениях и понятийно-терминологическом аппарате, чем это можно наблюдать сейчас. Обзор весьма многочисленных ныне, с энтузиазмом выполняемых работ на тему «картин (моделей) мира» обнаруживает ряд характерных погрешностей против научной строгости. И эти погрешности в рассуждениях, как увидим, «санкционированы» той размытостью семантики слов, о которой говорилось выше и которая вполне свойственна естественным языкам. Неосторожный исследователь, не замечая того, легко становится ее заложником.

Во-первых, рассуждая о картинах мира, не всегда отдают себе отчет, о каких мирах идет речь — ментальных или действительном, и рассуждают о тех и других как о едином предмете, так что разные виды ментальной активности в разной мере включены в действительный деятельностный мир человека, с разной мерой «плотности» встроены в жизненно необходимые для людей и общества функции, имеют разную меру ценности в непосредственных взаимодействиях человека с миром, в его физической, социальной и духовной практике.

В одних случаях отрыв ментальных моделей, образов и картин от реального устройства действительного мира, от ре-

ального положения вещей был бы губителен для человека.

В других — позволительна заметная дистанция и вариативность, обусловленные не столько действительностью и контактами с ней, сколько родовой спецификой человеческой природы, традицией и случайностью. Здесь в дело вмешиваются способность сознания творить ментальные миры из себя и надстраивать, дополнять ментальными артефактами — плодами фантазийно-игрового творчества сознания более строгие и обоснованные представления, картины и модели действительного мира. Здесь действует принцип, что в конечной перспективе человек держится достаточно строгих, эмпирически подтверждаемых представлений о мире, его устройстве и закономерностях в той мере и в тех пределах, которые диктуются сферой pragmatically важного, практически существенного для него — сферой его деятельностных интересов. За рамками безусловно и однозначно необходимого для данного этапа жизнедеятельности общества вполне дозволены на время вариативные фантазийные представления о тех сторонах непреложного действительного мира, которые пока еще не затронуты сколько-нибудь основательно общественной практикой. Приходит время, и фантазийные картины и модели мира уступают место рационально-логическим построениям, согласующимся с природой вещей в возросшем ареале человеческой деятельности.

Пока же этого не случилось, здесь царствует *мнение* в широком спектре от гипотез, догадок и прозрений до откровений, домыслов и мифов, опирающихся на авторитет вещателей истин. Последние призывают расширить сферу фидейского знания о мире, приняв на веру их фантазийные построения. Проблема для исследователя здесь состоит в том, чтобы установить общее и закономерное в содержании и структурах «преждевременного знания», опережающего деятельностное овладение действительным миром, вскрыть корреляции и зависимости меж-

ду характером мнимого знания и уровнем подлинного знания, между устройством мнимых миров и устройством действительного мира как деятельностной среды человека.

Последнее следует подчеркнуть особо. Общий недостаток нынешних исследований мнимых миров в культурологии, лингвистике, истории литературы и искусствознании — отсутствие или примитивизм проекций на действительный мир. Происходит это по той причине, что не на что опереться: отсутствует общая теория проективности мнимых миров, теория опосредованных, непрямых зависимостей между ментальными мирами различной природы, действительными и мнимыми, — зависимостей, обеспечивающих мотивированность и диапазон вариативности мнимого.

Диапазон вариативности в конструировании мнимых миров еще более возрастает, когда сознание творит ментальные миры, не связывая себя оглядкой на действительный мир, т. е. при установке на фантазийно-игровую ментальную активность, на свободный полет мысли. Однако и здесь сознание не способно полностью оторваться от грехной земли объективного мира и его мотиваций. Даже в предельных случаях, когда персонажи с фантастическими свойствами совершают фантастические поступки в фантастической среде, они все же сконструированы по преимуществу из признаков (свойств и качеств), реально наблюдаемых в действительном мире.

Поэтому общий принцип проективности мнимых миров, их зависимости от практического, деятельностно обусловленного сознания остается в силе и применительно к продуктам фантазийно-игровой ментальной деятельности, хотя бы в форме еще более непрямой, опосредованной и скрытой. Если это так, то в целом подлинная ценность исследования мнимых миров заключена в конечном счете не только и не столько в автономном описании их содержания и структур и даже не в сопоставлении коррелирующих ментальных миров в разные эпохи и

в разных культурах, а в установлении их проективной значимости относительно действительных миров, в установлении диапазонов вариативности корреляций и зависимостей между мнением, воображением и фантазией, с одной стороны, и уровнем и содержанием рационально-деятельностного сознания, с другой. Иначе говоря, главное состоит в отыскании необходимого, закономерного и мотивированного в полетах фантазии — с учетом неединственности, возможной случайности и, увы, неравноценности тех выборов, которые вольно или невольно делают народы на своем историческом пути.

Во-вторых, в рассуждениях о «картинах мира» часто утрачивается целостность понятия, и словосочетание толкуется столь расширительно, что в нем вообще ничего не остается от каких-либо миров — ни отражаемых, ни замышляемых, ни действительных, ни мнимых. Метафора теряет какое-либо деривационно-оправданное содержание, ее семантические границы размываются. В конечном счете за ней скрывают много разного и ничего единого. Она лишь сигнализирует муки слова.

За характерными примерами читатель может обратиться, например, к книге В. С. Жидкова и К. Б. Соколова «Десять веков российской ментальности: картина мира и власть»⁴. Авторы сводят под общую «шапку» разнородные свойства интуитивного национального самосознания, совокупное взаимодействие которых образует качество национальной ментальности (менталитета). В разных местах книги под «картинами мира» понимаются не только «система представлений человека о мире и его месте в нем» (с. 58), но и «жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, способы познания и деятельности, знания, ценностные и духовные ориентиры» (с. 58), а также установочные системы представлений о должном, нравственном, добре и зле в поведении и отношениях людей, устройстве общества и государства и т. д. (с. 168, 186, 170, 171, 258, 275, 340, 554,

569, 574 и многие другие). Картина мира приравнивается к ментальности и обуславливает не только видение мира, но и то, как установочная система сознания предпослана миру. В этом качестве картина мира предопределяет и то, что видят в мире, и то, как оценивают его, и то, как реагируют и действуют в нем. В этой логике картина мира (равно как ментальность) одновременно и первична, и вторична по отношению к миру, и это плохая логика и плохое словоупотребление.

В таком понимании картина мира (также и ментальность), с одной стороны, обусловлена миром как его отражение, а с другой — обуславливает видение мира. Не отказываясь от привязки к миру, «картина» истолкована и как образ отраженного мира, и как образ, предпосланый миру. В одном своем качестве она следует миру, в другом — она предшествует ему. Когда мы ставим идеальную сущность (образ, концепт) в зависимость от мира (тем более действительного), мы вправе говорить о «картинах мира», его отражающих и им обусловленных. Когда же идеальные образования берутся вне этой зависимости (и тем более, как агентивное начало — регулятор оценок и поведения), говорить о них как о «картинах мира» можно, лишь нарушая логику и грамматику смыслов.

В-третьих, сейчас среди филологов сплошь и рядом говорят о «языковых картинах мира», а также о «культурноязыковых картинах мира». (В последнем случае — преимущественно, если предметом служат мнимые миры фантазийного характера, как в мифах, народном героическом эпосе, сказках, легендах, преданиях, баснях и т. п. в аспекте их национального своеобразия (см., например, С. Е. Никитина⁵, О. Г. Почепцов⁶, Т. В. Цивьян⁷).

Часто под «языковой картиной мира» не подразумевают какой-либо качественной характеристики образов рисуемого мира, и смысл сочетания равен безобидной формуле: ментальный образ некоего мира (действительного, мнимого или

смешанного), выраженный средствами данного языка (ср. с понятием «языкового значения»⁸). Но столь же часто к этому примешивают или целиком ассоциируют с «языковой картиной мира» иной смысл: «языковая картина мира» — это ментальный образ мира, обусловленный особенностями данного языка. Этот взгляд возвращает нас к концепции лингвистической относительности в ее радикальной, губольдтовской версии — лингвистического детерминизма.

Что касается специфики национальных (этнологических) систем миропонимания (видения мира), своеобразия — на полюсах весьма разительного — базисных аксиологических систем и обусловливаемых ими различий в поведенческих реакциях, в «путях, которые мы выбираем», то тут ныне нет оснований для принципиальных разногласий относительно их наличия, и история наших дней, вопреки нивелирующему действию прогресса, дает этому массу подтверждений. Проблема состоит в другом: какое отношение к этому имеет язык, а именно язык как форма, т. е. специфика устройства языков, и в первую очередь — особенности их лексико-семантических и грамматических систем.

Вопрос в конечном счете сводится к тому, что обуславливает структуру сознания: обусловлено ли структурирование сознания структурой совокупной деятельности общественного человека совместно со структурой действительного мира, в котором он действует и с которым он взаимодействует, или же структура сознания обусловлена строением языка как формы, т. е. сложившимися в конкретных языках своеобразными системами корреляций между языковыми формами и распределенными между ними концептами. По-видимому, нельзя найти убедительных доводов в пользу второй точки зрения. Язык, безусловно, не только необходим, но и составляет обязательное условие для того, чтобы сознание взошло на понятийный, обобщдающе-абстрагирующий, собственно человеческий уровень, а мысль и память

получили бы должную опору, не говоря уже о языке как необходимом средстве общения. Но членение языка как формы весьма неполно, а часто и весьма отдаленно следует за структурой и содержанием мысли.

В то же время структура мира и, что еще более существенно, структура деятельности человека находит достаточно изоморфное отражение в базисных структурах сознания, благодаря чему становится возможным соотносить языковые выражения по смыслу, т. е. устанавливать, в чем и насколько они сходны и различны по значению. (Более подробная аргументация дана в работе М. В. Никитина — см. примеч. 1). Поэтому выражение «языковая картина мира» максимально может претендовать только на то, что это картина мира, выраженная в языке. Осмысливается оно, как и все, что выражается в языке, в меру знания мира и знания языка как многоярусной системы корреляций между формами языка и концептами сознания.

И в заключение: сказанное не следует принимать как призыв немедленно и безоговорочно отказаться и изъять из словаря лингвистики, фольклористики, литературоведения, когнитивистики и культурологии выражение «картина мира». Оно прижилось, с ним хорошо знакомы, и одного этого достаточно. С ним чувствуют себя вполне комфортно, несмотря, а может быть, благодаря его «номинативной отзывчивости». Цель этих заметок в другом: обратить внимание на связанные с ним — на его нынешнем метафорическом, детерминологическом этапе — опасности: пуская в широкий оборот выражение «картина мира», следует домысливать и уточнять его содержание с учетом указанных здесь обстоятельств.

Успех метафоры «картина мира» объясняется необходимостью в обобщающем термине для обозначения ментальных образований монтажной природы, а именно, для обозначения не разрозненных концептов-образов, а концептуаль-

ных структур — концептов, связанных линейными связями в цельные «картины» — ментальные миры с любой мерой автономии от действительности.

В конечном счете «картина мира» в этом широком смысле означает образ некоего мира, как отраженного, так и сотворенного сознанием.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1997.

² Никитин М. В. Миф в структуре сознания // Актуальные проблемы стилистики декодирования, теории интертекстуальности, семантики слова и высказывания. СПб., 1998.

³ Там же.

⁴ Жидков В. С., Соколов К. Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб., 2001.

⁵ Никитина С. Е. Лингвистическая модель фольклорного мира // Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

⁶ Почекцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. М., 1990.

⁷ Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

⁸ Никитин М. В. О понятии «языковое значение» // Ученые записки Владимирского госпединститута. Сер. «Иностранные языки». Вып. 6. Владимир, 1971.

M. Nikitin

«THE PICTURES OF THE WORLD»: WHAT DO THEY PORTRAY?

The article deals with imaginary mental worlds with regard to the Worfian hypothesis of their conditioning by language as form.